

Научная статья

УДК 82'282 + 821.112.2 + 801.83
DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-341-356

**«Игра в бисер»
и «Паломничество в страну Востока» Г. Гессе:
стратегии прочтения и конфликт интерпретаций**

Алексей Евгеньевич Козлов¹, Парфений Владимирович Корнеев²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

² parfenkk@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6468-6956>

Аннотация

Статья посвящена подходам к интерпретации произведений Г. Гессе «Паломничество в страну востока» и «Игра в бисер». Данные тексты взаимосвязаны и сопряжены с авторефлексией жизненного пути и творчества писателя в рамках сложно организованного взаимодействия автора и героя. Это взаимодействие рассматривается в контексте философских идей Гегеля и Кьеркегора. Отдельное внимание уделяется форме путешествий, среди которых выделяется «Путешествие на Запад» У Чэньэня (西遊記, 1590).

Отмеченное в работе сгущение авторской метарефлексии в совокупности с неразрывной связностью произведений на семиотическом и трансмузыкальном уровнях определяет два варианта прочтения: а) модернистское прочтение, программируемое жанрами романа воспитания, паломничества и интеллектуального романа, близкое к «откровению» академической науки, б) постмодернистское прочтение, определяемое жанрами пародии и мениппеи, деконструирующее идею академического познания, где семиотическая природа произведения доведена до предела, а знак — до его отмены.

Конфликту интерпретации и посвящена данная статья.

© Козлов А. Е., Корнеев П. В., 2026

Ключевые слова

интеллектуальный роман, формы времени, Г. Гессе, интермедийность, рефлексия и нарратив

Для цитирования

Козлов А. Е., Корнеев П. В. «Игра в бисер» и «Паломничество в страну Востока» Г. Гессе: стратегии прочтения и конфликт интерпретаций // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 341–356. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-341-356

**“Die Morgenlandfahrt”
and “Das Glasperlenspiel” by H. Hesse:
reading strategies and conflict of interpretations**

Alexey E. Kozlov¹, Parfenij V. Korneev²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

² parfenkk@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6468-6956>

Abstract

The article is devoted to approaches to the interpretation of H. Hesse’s works “Journey to the East” and “The Glass Bead Game.” These texts are related to the author’s reflection on his life path and literary creativity. Particular attention is paid to the literary form of travel writing, where “Journey to the West” by Wu Cheng’en (西遊記, 1590) stands out.

The characters from Hesse’s earlier works, despite complete narrative arcs, are organically reactivated in “Journey to the East,” where, alongside other figures of the European literary process, they find their place within the complex interaction between author and character. This interaction is examined in the context of the philosophical ideas of Hegel and Kierkegaard.

The article highlights the concentration of the author’s metareflexivity, combined with the inseparable unity of the works at the semiotic and transmusical levels, which defines two possible readings: a) a modernist reading, framed by the genres of the *bildungsroman*, pilgrimage, and intellectual novel, close to the “revelation” of academic science; and b) a postmodern reading, shaped by the genres of parody and menippean satire, deconstructing the idea of academic learning, where the semiotic nature of the work is pushed to its limits and the sign is brought to its cancellation.

Thus, the “movement along the steps of the text” can lead to either a modernist interpretation — a divine revelation — or a postmodern one — a parody of revelation. The conflict of these interpretations of Hesse’s works is the focus of this article.

Keywords

intellectual novel, forms of time, H. Hesse, intermediality, reflection and narrative

For citation

Kozlov A. E., Korneev P. V. “Die Morgenlandfahrt” and “Das Glasperlenspiel” by H. Hesse: reading strategies and conflict of interpretations. *Kritika i Semiotika* [*Critique and Semiotics*], 2026, no. 1, pp. 341–356. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-341-356

Жанр интеллектуального романа является одним из наиболее семиотически насыщенных в регистре философской прозы. Потребность в этом жанре определилась новыми концепциями бытия и времени, характерными для интуитивизма и психоанализа первой половины XX века, а также обоснованием теории относительности. Первая мировая война, показавшая катастрофические последствия научно-технического прогресса, и общая дегуманизация, связанная с формированием тоталитарного сознания, определили потребность интеллектуального ухода в «башню из слоновой кости» [История литературы Германии..., 2018].

Как писал Томас Манн в своем отзыве на «Закат Европы» О. Шпенглера, исторический и мировой перелом 1914–1923 гг. с необычайной силой «...стирает границы меж наукой и искусством, вливает живую, пульсирующую кровь в отвлеченную мысль, одухотворяет пластический образ и создает тот тип книги, который может быть назван интеллектуальным романом» [Манн, 2009, с. 116]. Несмотря на то что в статье писателя новый тип романа упоминался в полемических целях, современники осознали интеллектуальный роман как одну из определяющих форм времени (*Zeitgeist*), пришедших на смену роману воспитания. В этом типе романа в центре внимания оказывался не герой и его поступки, а сам процесс интеллектуального и/или интуитивного познания мира. По замечанию Д. О. Котомцева, «изложение философской концепции перестает быть линейным, а теоретические положения реализуются в жизненных ситуациях героев. Концепция, таким образом, уже не сводится к одной идее или тезису, а становится совокупностью идей, системой взглядов, которая принципиально диалогична, даже полифонична» [Котомцев, 2023, с. 52]. Разумеется, генезис такой структуры обретается в философской прозе С. Кьеркегора, Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше [Бахтин,

1996; Козлов, 2015; Бороденко, 2011]. При этом вместо бахтинской полифонии уместно говорить о «трансмюзикальности», т. е. «взаимопревращении — слова в музыку и наоборот» [Махов, 2005, с. 105].

Восприятие интеллектуального романа отчетливо диалектично: с одной стороны, примат логического математического мышления, связанного с чистым разумом, с другой стороны, музыкальность композиции, предполагающая отсутствие жесткой структуры. Амбивалентность такого восприятия определяется природой музыки: внешне неупорядоченные созвучия подчиняются жесткой последовательности нотной записи, соединение их в гармоническое целое детерминировано законами математики и физики (акустики). При этом следует учитывать, что словесное выражение музыки — «...вторичное, отраженное представление. Оно опосредовано не историей музыки как таковой, но скорее историей идей о музыке. Чтобы словесное могло быть понято как музыкальное, сама музыка должна быть осмыслена, истолкована — иначе говоря, собственно музыка уже должна исчезнуть, раствориться в понимании и словесном истолковании ее сущности» [Махов, 2005, с. 103]. Иными словами, при любом возможном описании музыки участники коммуникации заключают ее в инородный знаковый ряд. Этот парадокс фиксирует интеллектуальный роман, сюжет которого развивается в амплитуде от трансцендентального кантовского познания мира до хаотического ницшеанского.

Подтверждением высказанному выше тезису служат сюжеты двух взаимосвязанных произведений Германа Гессе: повести «Паломничество в страну востока» (*Die Morgenlandfahrt*, 1932) и романа «Игра в бисер» (*Das Glasperlenspiel*, 1943). Связность двух рассматриваемых произведений Гессе определяется посвящением «Паломникам в страну Востока», а также множеством изоморфных знаков, рассмотрению которых будет посвящена настоящая статья.

Выбор в названии повести Гессе слова *Fahrt*, а не *Pilgerfahrt*, очевидно, отсылает читателя не только к многочисленным произведениям путевой философской прозы («Путешествия на восток» Р. Шатобриана, Ж. де Нерваля, А. де Ламартина), но и к «Путешествию на Запад» У Чэньэня (*西遊記*, 1590). Новаторское произведение, разрушившее созданный канон китайской литературы, предполагает синтез аллегорического путешествия, волшебной сказки и плутовского романа. Характерной чертой произведения является сочетание метаморфоз, обусловленных личностью странствующего монаха Сунь Укуна и его спутников, отражающих в бестиарных

эманациях разные стороны личности протагониста [Hsia, 1978]. Сходный прием использован в цикле ориентальных повестей В. Гауфа «Караван», а также в его «Харчевне в Шпессарте»¹. В самой форме «Паломничества...» отражается разнообразная литературная традиция, демонстрирующая не только высокий, но и профанный вариант («Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, «Путь паломника» Дж. Беньяна, «Паломничество Чайльд Гарольда» Дж. Г. Байрона).

В позднем романе Гессе подобной многозначностью обладает продублированная в названии внутритекстовая игра, заключающая в себе семантику высокого служения и одновременно эскапистского, оторванного от действительности времяпрепровождения. *Das Glasperlenspiel* имеет своим семантическим ядром слово *Perlen* и несомненно восходит к евангельскому изречению *Perlen vor die Säue werfen*. Вероятно, учившийся в Маульброннской семинарии Гессе был знаком с древнегреческим вариантом Евангелия от Матфея и зашифровал в названии слово *μαργαρίται*, что может переводиться и как *die Perlen* — жемчужины, и как *die Glasperlen* — ‘бисер’, что порождает достаточно большой ряд ассоциаций от сакральных текстов до фольклора (поговорок и пословиц).

Общим в обоих произведениях является наличие некоего института власти, организованного по принципу монашеского ордена. Если в «Паломничестве...» таким институтом является безымянный орден паломников, архив которого представляет собой хранилище всех человеческих знаний, то в «Игре в бисер» эту функцию выполняет педагогическая провинция Касталия (*“Pädagogischen Provinz” Kastalien*), ставящая главным идеалом получение знания и аскезу. В «Паломничестве в страну Востока» Г. Г. (*Н. Н.*) характеризует архив братства как «неимоверное изобилие материалов, обнимающее всё мироздание», в то время как безымянный хроникер «Игры в бисер» указывает на то, что механизм игры «обладает почти непредставимым совершенством, способным воспроизвести всё духовное содержание вселенной».

Номинация «Касталия» отсылает к названию ручья на горе Парнас и включает в себе коннотации творчества, познания, целомудрия и смерти. Хроникер «Игры в бисер», описывая касталийский уклад жизни,

---

¹ В. Гауф, как и Герман Гессе, — уроженец Баден-Вюртемберга. Он похоронен в Штутгарте, где прошли подростковые годы Гессе.

упоминает его близость к укладу монашеского ордена с соответствующим монашеской эстетике табу на браки и половые отношения. Тем больший эмблематизм приобретает смерть Иозефа Кнехта. В то же время, исходя из увлеченности Гессе индуизмом, можно выделить еще одно, ассоциативное значение символа и номинации Касталии. Касталия — своеобразное отделенное от мира сословие, выполняющее культурно-образовательные функции. Само сравнение Касталии и касты также присутствует в тексте: «Плинию называет наших учителей и наставников кастой жрецов» [Гессе, 1995, с. 77].

Сходную игру слов, как неоднократно отмечалось, заключает в себе имя главного героя «Игры в бисер». Имя и официальный титул Иозефа Кнехта избраны «по контрасту» и одновременно «по созвучию» с фамилией Вильгельма Мейстера Гете: нем. *der Meister* — «хозяин», «господин», «повелитель», но также и «магистр» (титул Иозефа Кнехта как одного из касталийских иерархов — *Magister Ludi*, т. е. «Магистр Игры») [Элькан, 2017, с. 58]. По наблюдению О. Б. Элькан, *der Knecht* в переводе с немецкого означает не только «слуга», но имеет также и более уничижительные значения, такие как «холоп», «лакей», «багтрак», «раб». Гессе, склонный к «ономастически-комедийным» изысканиям, намеренно выбирает это слово фамилией своего героя, имея в виду в первую очередь мотив «служения», воплощенный в романе в образе Иозефа Кнехта.

Рассматривая систему персонажей в избранной оптике, нельзя не отметить близость дискурса Гессе и Сёрена Кьеркегора. Подзаголовок «*Versuch einer Lebensbeschreibung des Magister Ludi Josef Knecht samt Knechts hinterlassenen Schriften*»² заставляет вспомнить аналогичные интеллектуальные провокации автора «Страха и трепета», подписывавшего свою диалектическую лирику именем вымышленной фигуры дилетанта и любителя-философа Иоханнеса де Силенцио (Молчальника) — *Dialektische Lyrik von Johannes de Silentio*.

Исходя из мотива служения, мы можем рассмотреть конфигурацию действующих лиц, опираясь на гегельянскую диалектику раба

---

² «Опыт жизнеописания Иозефа Кнехта, Магистра Игры, с приложением оставшихся от него сочинений» [Гессе, 1995, с. 5] (пер. с нем. С. Апта).

и господина³. Можно констатировать, что одной из определяющих тем «Паломничества...» является утрата субъектности автора в пользу субъектности героя, наиболее ярко это выражено в финальном эпизоде, описывающем две фигуры в архиве:

Jetzt sah ich die Doppelfigur, die mich und Leo andeutete, nicht nur etwas klarer und ähnlicher werden, sondern sah auch, daß die Oberfläche der Figuren durchsichtig war und daß man in ihr Inneres blicken konnte, wie man durchs Glas einer Flasche oder Vase blickt. Und im Innern der Figuren sah ich etwas sich bewegen, langsam, unendlich langsam sich bewegen, wie eine eingeschlafene Schlange sich bewegt. Es ging da etwas vor sich, etwas wie ein sehr langsames, sanftes, aber ununterbrochenes Fließen oder Schmelzen, und zwar schmolz oder rann es aus meinem Ebenbild in das Bild Leos hinüber, und ich erkannte, daß mein Bild im Begriffe war, sich mehr und mehr an Leo hinzugeben und zu verströmen, ihn zu nähren und zu stärken. Mit der Zeit, so schien es, würde alle Substanz aus dem einen Bilde in das andre hinüberrynnen und nur ein einziges übrigbleiben: Leo. Er mußte wachsen, ich mußte abnehmen⁴ [Hesse, 2012, p. 54].

Фигура Иозефа Кнехта также представляет собой динамическую единицу, совмещающую функции и раба, и господина, причем функция раба повторяется на всех уровнях наррации, где диалектической паре *раб* — *господин* соответствует пара *ученик* — *учитель*. К концу повествования Кнехт, достигнув верховного положения в Касталийском ордене — Магистра Игры, добровольно отрекается от него и, возвращая себя на путь служения, становится частным учителем сына своего бывшего касталийского

---

³ Эта идея, выраженная в «Феноменологии духа», взята за основу М. М. Бахтиным.

⁴ «Теперь я видел двойную фигуру, представлявшую намек на меня и Лео, не только отчетливее, с более явными чертами сходства, но я видел и нечто другое: ... Там совершалось очень тихое, мягкое, но неудержимое таяние или струение, и притом струение это было направлено из недр моего подобия к подобию Лео, и я понял, что мой образ будет всё больше и больше отдавать себя Лео, перетекать в него, питать и усиливать его. Со временем, надо думать, вся субстанция без остатка перейдет из одного образа в другой, и останется только один образ — Лео. Ему должно возрастать, мне должно умяться» [Гессе, 1995, с. 304] (пер. с нем. С. Аверинцева).

товарища Дезиньори (фамилия дословно переводится «из господ»). Смерть Кнехта воспроизводит сюжет о смерти нимфы Касталии⁵.

Однако, отказываясь от функции господина и умирая-в-бытии, в нарративном плане Кнехт возносится до «господина» высшего порядка — нарратора и Автора произведения. Это позволяет предположить, что ограниченный культурным кодом персонаж, проходя через стадии создания своих произведений, воплотившись в нарратив на других уровнях эссе, перешел на другую ступень в произведении, получил возможность освободиться от определяющей его имя семы «слуги» и стал Архитектором, существующим вне хронологии и способным выбирать любую роль в произведении.

Сюжетные структуры обоих произведений Гессе, напоминая сетчатую номограмму для решения уравнений, или абак, обладают повышенной генеративностью, заключающейся в утверждении и повторении культурных кодов и универсалий. Так, путешествие героя в «Паломничестве...» носит не только аллегорический характер (как в Сидхартхе), оно представляет собой сложноорганизованную комбинацию знаков и значений. Таким образом, паломничество Г. Г., сочетающее в себе фольклорно-литературные сюжеты, аллюзии и реминисценции, метатекст и автореференцию, обусловленную предшествующими и еще не законченными произведениями писателя⁶, становится идентичным процессу чтения как таковому [Jackson, 2011].

Биография Иозефа Кнехта заключена между двумя фрагментами общего очерка игры и тремя жизнеописаниями. Подобная композиция, в сочетании с трансмузыкальностью, выражаемую через упоминание музыкальных композиций и терминов, а также постоянно повторяющегося имени И. С. Баха, по мнению О. Б. Элькан, эксплицирует музыкальное

---

⁵ Сходный мотив реализуется в других произведениях писателя («Под колесом», «Клейн и Вагнер»).

⁶ Отметим параллели между пребыванием Ганса Гибенрата («Под колесом») и Кнехта в образовательном учреждении — монашеском ордена, такую же связь можно обнаружить и с произведением «Нарцисс и Гольдмунд». Однако мотивировки ухода из монашеского ордена совершенно разные: если Кнехт исходит из «закона служения», отвергая высший пост в иерархии, то Ганса отправляют домой из-за невозможности продолжать обучение по причине нервного напряжения (что полностью совпадает с биографией самого Гессе).

произведение И. С. Баха «Токката и fuga ре минор». В свою очередь, произведение Баха несет в себе определенный культурный код, связанный с сотворением мира, в данном случае — сотворением текста. Таким образом трансмузыкальность придает Кнехту-архитектору функцию демиурга, способного создавать текст, т. е. возводит героя до уровня дискурса.

Возвращаясь к связи поэтики названия «Игры в бисер» и евангельского изречения «метать бисер перед свиньями», употребляемого в значении «объяснять недостойному», становится понятно, что словосочетание *das Glasperlenspiel* в названии романа деконструирует его высокий пафос, заключая иронию над профанным читателем, который не в состоянии постигнуть общих правил игры-чтения, а значит и оценить роман по достоинству.

В этом аспекте, предстывая знаком и отсутствием знака, эстетическая деятельность Кнехта тяготеет к опасному перфекционизму, связанному с парадоксом Фауста (в интерпретации К. Марло, И. Гете и Т. Манна), безумием художника и ученого (в сюжетах О. де Бальзака, Э. Золя, Г. Уэллса), переходящему в маниакальную страсть, или мономанию. Таким образом, сама дисциплина игры в бисер является результатом выродившейся патристики и схоластики и может быть десемантизирована. В пользу такой интерпретации говорит и неофициально распространяемая Гессе авторская редакция романа, отличающаяся своей злободневностью в сравнении с той, что была принята издательством [Freedman, 1978].

Интеллектуальный скептицизм в отношении науки легко объясним: многие социальные и культурные парадигмы, сформировавшиеся в XIX веке, достигли своего предела и изменились до неузнаваемости в первой трети XX века. Романтический национализм Гердера выродился в радикальную идею абсолютного превосходства нации; результатом создания теории относительности становится появление оружия массового поражения; наконец, наука всё больше наследует от средневековой схоластики и демонстрирует либо герметизм и своеобразную «кастовость», либо своеобразный вариант «сделки с дьяволом», что показал выбор ученых М. Хайдеггера, В. Гейзенберга и писателей, в частности Н. Гамсуна, Пьера Дриё ла Рошеля, Эзры Паунда⁷. Доведение семиотической системы

---

⁷ Наиболее рельефно репрезентация этой сделки представлена в романе К. Манна «Мефистофель» (1936).

до предела одновременно означает отмену знака, карнавальную меню науки и поименованной пустоты.

Таким образом, рассмотрение двух произведений Гессе как диалогии определяет два основных режима чтения. Первый программируется идеей жанра интеллектуального романа, провоцируя к прочтению «Игры в бисер» как свидетельства «божественного откровения» и гармонизации бытия. Эта стратегия близка академической науке, манифестирующей ответственность за каждое сказанное слово. Такой тип дискурса заключает в себе семиотику, тяготеющая к математически точному познанию мира, и рецептивная эстетика Констанцской школы, вырастающая из феноменологии.

Противоположный вариант прочтения деконструирует идею интеллектуального романа, выдвигая на первый план карнавальное переосмысление мира и схоластического дискурса, создавая эффект пародии на откровение. Этот «веселый хаос», открытый Ницше и продолженный наукой постмодерна, мистифицирует и «заманивает» читателя, в итоге снимая ответственность за каждое сказанное слово и разрушая саму идею академического дискурса, доводя возвышенный «интеллектуальный» пафос романа до абсурда и низвергая знак до его отсутствия. Антиномия двух названных вариантов прочтения не может быть преодолена логически, однако именно их полифония определяет эстетическое напряжение произведения.

Список литературы

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 2002. Т. 6. 800 с.

Бороденко Н. В. Противостояние двух миров в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Известия Самарского научного центра Росс. академии наук. 2011. Т. 13. № 2 (6). С. 1444.

Гессе Г. Игра в бисер // Гессе Г. Собр. соч.: В 8 т. М.: Прогресс — Литера, 1994. Т. 5. 480 с.

Гессе Г. Паломничество в страну востока // Гессе Г. Собр. соч.: В 8 т. М.: Прогресс, 1994. Т. 4. 432 с.

Зенкин С. Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.

Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / Сост., пер. и примеч. И. В. Кабановой. М.: Флинта: Наука, 2004. 344 с.

История литературы Германии XX века / Под ред. Т. В. Кудрявцевой, В. Д. Седелника. Т. 1. 1880–1945. Кн. 2. Литература Германии между 1918 и 1945 годами. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 984 с.

Козлов А. Е. К вопросу о границах философского и эстетического дискурсов (С. Кьеркегор, Ф. Достоевский, Л. Толстой) // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 354–366.

Котомцев Д. О. Философский роман и интеллектуальный роман: генетическая и типологическая корреляции // Восточнославянская филология. Литературоведение. № 16. 2023. С. 152–161.

Кьеркегор С. Страх и трепет: диалектическая лирика Иоханнеса де Силенцио / Пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический проект, 2011. 153 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Махов А. «Музыка» слова: из истории одной фикции // Вопросы литературы. 2005. № 5. С. 101–123.

Мориц Ю. И. «Мелодия на два голоса»: содержательность ритмов словесно-речевого уровня в романе Германа Гессе «Нарцисс и Гольдмунд» // Вестник Самарского гос. ун-та. 1999. № 3 (13). С. 167–176.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. 695 с.

Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика. М.: Радуга, 1983. 638 с.

Словарь античности. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

Турьшева О. Н. Прагматика художественной словесности как предмет литературного самосознания. Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. 375 с.

Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб., 2016. 640 с.

Элькан О. Б. Музыкальность как объединяющая основа художественного синтеза в немецком интеллектуальном романе первой половины XX века // *КУКИТ*. 2017. С. 30–70.

Яусс Г. П. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

Яусс Г. П. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология / Сост., пер. и примеч. И. В. Кабановой. М.: Флинта: Наука, 2004. 344 с.

Borbély S. Hermann Hesse's spiritual formula // *Philologica Jassyensia*. 2006. An. II. No. 1. P. 13–23.

Drapela N. The price of freedom: indentifying the narrator of Hermann Hesse's "Das Glasperlenspiel" // *The German quarterly*. Philadelphia, etc., 2016. Vol. 89. No. 1. P. 53.

Durr W. Hermann Hesse. Vom Wesen der Musik in der Dichtung. Stuttgart, 1957. S. 66.

Freedman R. Hermann Hesse. Pilgrim in crisis. New York, Pantheon Books, 1978. 432 p.

Jackson T. S. Hermann Hesse as ambivalent modernist. Proquest, Umi Dissertation Publishing, 2011. 242 p.

Hesse H. Collected works: in 8 vols. Vol. 3. Berlin, Suhrkamp, 2012. 669 p.

Hsia A. Herman Hesse und China. Darstellung, Materialien und Interpretation. Frankfurt, Suhrkamp, 1974. 359, [1] p.

Ziolkowski T. Ideal und Wirklichkeit in Hermann Hesses "Das Glasperlenspiel" / Andreas Malischke. Hamburg, 2008. 303 p.

References

Bakhtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [Problems of speech acts]. In: Bakhtin M. M. Collection of works: In 7 vols. Moscow, Russkie slovari, 1996, vol. 5: Raboty 1940–1960 gg. Pp. 159–206. (in Russ.)

Bakhtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo [Dostoevsky poetics]. In: Bakhtin M. M. Collection of works: In 7 vols. Moscow, Russkie slovari, 2002, vol. 6. 800 p. (in Russ.)

Barthes R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. Transl. from French; comp., gen. ed. and introd. by G. K. Kosikov. Moscow, Progress, 1989. 616 p. (in Russ.)

Borbély S. Hermann Hesse's spiritual formula. *Philologica Jassyensia*, an. II, no. 1, 2006, pp. 13–23.

Borodenko N. V. Protivostoyanie dvukh mirov v romane H. Hesse “Igra v biser” [Confrontation of two worlds in H. Hesse's novel “The Glass Bead Game”]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk*, 2011, vol. 13, no. 2 (6), p. 1444. (in Russ.)

Drapela N. The price of freedom: indentifying the narrator of Hermann Hesse's “Das Glasperlenspiel.” *The German quarterly*. Philadelphia, etc., 2016, vol. 89, no. 1, p. 53.

Durr W. Hermann Hesse. Vom Wesen der Musik in der Dichtung [Hermann Hesse: the nature of music in poetry]. Stuttgart, 1957, p. 66.

Eco U. Rol' chitatelia: issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader: studies in text semiology] / Transl. from English and Italian by S. Serebryanyy. St. Petersburg, 2016. (in Russ.)

Elkan O. B. Muzykal'nost' kak ob'edinyayushchaya osnova khudozhestvennogo sinteza v nemetskom intellektual'nom romane pervoy poloviny XX veka [Musicality as a unifying basis for artistic synthesis in the German intellectual novel of the first half of the 20th century]. *KUKIT*, 2017, pp. 30–70. (in Russ.)

Freedman R. Hermann Hesse. Pilgrim in crisis. New York, Pantheon Books, 1978. 432 p.

Hesse H. Collected works: in 8 vols. Vol. 3. Berlin, Suhrkamp, 2012. 669 p.

Hesse H. Igra v biser [The Glass Bead Game]. In: Hesse H. Collection of works: In 8 vols. Moscow, Progress — Litera, 1994, vol. 5. 480 p. (in Russ.)

Hesse H. Palomничество v stranu vostoka [Journey to the East]. In: Hesse H. Collection of works: V 8 vols. Moscow, Progress, 1994, vol. 4. 432 p. (in Russ.)

Hsia A. Herman Hesse und China. Darstellung, Materialien und Interpretation. Frankfurt, Suhrkamp, 1974. 359, [1] p.

Istoriia literatury Germanii XX veka [History of the Modern German literature]. Ed. by T. V. Kudriavtseva, V. D. Sedel'nik. Vol. 1. 1880–1945. Pt. 2. Literatura Germanii mezhdru 1918 i 1945 godami [German literature between 1918 and 1945]. Moscow, IMLIRAN, 2018. 984 p. (in Russ.)

Izer V. Protsess chteniya: fenomenologicheskii podkhod [The reading process: a phenomenological approach]. In: *Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya*. Ed., transl., and notes by I. V. Kabanova. Moscow, Flinta: Nauka, 2004. 344 p. (in Russ.)

Jackson T. S. Hermann Hesse as ambivalent modernist. Proquest, Umi Dissertation Publishing, 2011. 242 p.

Jauss G. R. Istorija literatury kak provokatsiya literaturovedeniya [The history of literature as a provocation for literary studies]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1995, no. 12, pp. 34–84. (in Russ.)

Jauss G. R. Istorija literatury kak vyzov teorii literatury [The history of literature as a challenge to literary theory]. In: *Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya*. Ed., transl., and notes by I. V. Kabanova. Moscow, Flinta: Nauka, 2004. 344 p. (in Russ.)

Kierkegaard S. Strakh i trepet: dialekticheskaja lirika Iohannesa de Silencio [Fear and trembling: dialectical lyricism of Johannes de Silentio] / Transl. from Danish by N. Isaeva and S. Isaev. Moscow, Akademicheskij proekt, 2011. 153 p. (in Russ.)

Kotomtsev D. O. Filosofskiy roman i intellektual'nyy roman: geneticheskaya i tipologicheskaya korrelatsii [The philosophical novel and the intellectual novel: genetic and typological correlations]. *Vostochnoslavyanskaya filologiya: Literaturovedenie*, no. 16, 2023, pp. 152–161. (in Russ.)

Kozlov A. E. K voprosu o granitsakh filosofskogo i esteticheskogo diskursov (S. Kierkegaard, F. Dostoevskiy, L. Tolstoy) [On the question of the boundaries of philosophical and aesthetic discourses (S. Kierkegaard, F. Dostoevsky, L. Tolstoy)]. *Kritika i semiotika*, 2015, no. 2, pp. 354–366. (in Russ.)

Lotman J. M. Vnutri mysljashchikh mirov. [Inside thinking worlds]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 p. (in Russ.)

Makhov A. “Muzyka” slova: iz istorii odnoy fiktsii [“Music” of the word: from the history of a fiction]. *Voprosy literatury*, 2005, no. 5, pp. 101–123. (in Russ.)

Morits Y. I. “Melodiya na dva golosa”: sodержatel'nost' ritmov slovesno-rechevogo urovnya v romane Hermana Hesse “Narciss i Goldmund” [“Melody in two voices”: content of rhythms at the verbal-speech level in Hermann Hesse's novel “Narcissus and Goldmund”]. *Vestnik Samarskogo gos. un-ta*, 1999, no. 3 (13), pp. 167–176. (in Russ.)

Ricœur P. Konflikt interpretacij [Conflict of interpretations] / Transl. from French by I. S. Vdovina. Moscow, Akademicheskij proekt, 2008. 695 p. (in Russ.)

Slovar' antichnosti [Dictionary of antiquity: Transl. from German]. Ed. by J. Irmšer in collaboration with Renate Jone; editorial board: V. I. Kuzishin (editor-in-chief) et al. Moscow, Progress, 1989. 704 p. (in Russ.)

Stepanov Ju. S. V mire semiotiki [In the world of semiotics]. In: Semiotika. Moscow, Raduga, 1983. 638 p. (in Russ.)

Turyisheva O. N. Pragmatika khudozhestvennoy slovesnosti kak predmet literaturnogo samosoznaniya [Pragmatics of artistic verbal art as a subject of literary self-consciousness]. Dr. of Philol. Sci. Diss. Yekaterinburg, 2011. 375 p. (in Russ.)

Zenkin S. Teoriya literatury: problemy i rezul'taty [Theory of literature: problems and results]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. 368 p. (in Russ.)

Ziolkowski T. Ideal und Wirklichkeit in Hermann Hesses "Das Glasperlenspiel" [Ideal and reality in Hermann Hesse's "The Glass Bead Game"] / Andreas Malischke. Hamburg, 2008. 303 p.

Информация об авторах

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, доцент
Парфений Владимирович Корнеев, магистр филологии, старший преподаватель

Information about the Authors

Alexey E. Kozlov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Parfenij V. Korneev, Master of Philology, Lecturer

Статья поступила в редакцию 30.10.2025;
одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 27.04.2026
The article was submitted on 30.10.2025;
approved after reviewing on 24.11.2025; accepted for publication on 27.04.2026